

Аркадий Аверченко

Смешное в страшном

*Часть сборника
Рассказы*

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Смешное в страшном

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619155*

Аннотация

«Не преступление ли – отыскивать смешное в страшном?

Не кощунство ли – весело улыбаться там, где следовало бы рвать волосы, посыпать пеплом главу, бия себя в грудь, и, опустившись на колени возле вырытой могилы, долго неутешно рыдать?..

Вот два вопроса, которые были бы совершенно правильны, если бы... около нас был действительно настоящий труп.

Но Россия – не труп. ...»

Содержание

Извинение автора	4
Голодный пикник	6
Глава I. С визитом	6
Глава II. Causerie[1] о голоде	9
Глава III. Голодный обед	11
Атташе Канторович	15
Контроль над производством	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Аркадий Аверченко

Смешное в страшном

Извинение автора

Не преступление ли – отыскивать смешное в страшном?

Не кощунство ли – весело улыбаться там, где следовало бы рвать волосы, посыпать пеплом главу, бия себя в грудь, и, опустившись на колени возле вырытой могилы, долго неутешно рыдать?..

Вот два вопроса, которые были бы совершенно правильными, если бы... около нас был действительно настоящий труп.

Но Россия – не труп. Долго хлопотали, много сделали для того, чтобы превратить ее в неподвижное, гниющее, мертвое тело, однако – руки коротки у горе-хирургов. Пациентка все-таки жива.

У нее выпустили кровь – новая кровь разольется по жилам и могучими бодрыми толчками пробудит к деятельности затихшее сердце.

Ей выкололи глаза, а она уже начинает прозревать.

Вырезали язык, а она говорит. Пока еще тихо, бессвязно, но будет час, загремит ее голос, как гром, и многие подлецы и шулера задрожат от ужаса, а для нас это будет раскатом весеннего грома, за которым следует бодрый, теплый дождик,

освежающий, смывающий всю грязь...

Ей отрезали руки, ноги... Ничего! Придет час – срастется все. Еще крепче будет.

Ну – видите? При чем же здесь битье в грудь и посыпание скорбных глав пеплом?..

Значит, смеяться можно.

Больше того – смеяться должно. Потому что у нас один выбор: или пойти с тоски повеситься на крючке от украденной иконы, или весело, рассыпчато рассмеяться.

* * *

Здесь перед вами – «очерки нового быта», выкованного мозолистыми руками пролетариата: Зиновьева, Троцкого и Ко...

Аркадий Аверченко

Голодный пикник

Глава I. С визитом

Гришка Зерентуй, советский нувориш, разбогатевший на ночных обысках без мандатов, был парень не промах.

Распухши от денег и бриллиантов, он решил, что теперь самое фартовое дело – пролезть в высшее общество.

– Богатый человек без связей – гнилая работа, – сказал он самому себе. – Дергану-ка я с визитом до самой до мадам Ульяновой – Лениной. Примет меня – клевое дело, дадут пошнее – «нарежу винта». Ничего не попишешь.

Из романов он знал, что в высшем обществе визит – чистое, благородное дело. «Приеду, разденусь в вестибюле, выйдет мажордом... Спрошу: «Принимают?» – «Как прикажете доложить?» – Выну карточку с золотым обрезом, скажу: «Доложи!»... «Пожалуйте в будуар!» – Очень все будет фельтикультяпно».

В действительности начало визита немного разошлось с этими изящными предположениями.

Когда он элегантно взбежал на крыльцо, откуда-то выскочил детина, обвешанный «маузерами», «наганами» и «кольтами», как рождественская елка картонажами. Детина навалился на Гришку сзади, ловко завернул руки за спину и про-

хрипел:

– Куда лезешь, сволочь?

– Что вы, помилуйте! Я с визитом до мадам Лениной.

– Мандат имеешь?

– Да я просто как знакомый. Какой там, к чертям собачьим, мандат?

В связи с переменой светской обстановки и с Гришки сле-
тела вся светскость...

– Я другого так хватану за руки, что два дня вертеться
будет. Твое дело доложить, а не набрасываться, как бешеный
кобель.

– А мне, впрочем, что. Идите. Там все одно осмотрют.

Тяжело дыша после борьбы, Гришка вошел в переднюю и,
подойдя к зеркалу, стал оправлять фисташковый атласный
галстук.

Двое каких-то быстро сбежали с лестницы и, наставив
что-то на Гришку, скомандовали:

– Руки вверх!

– На какой предмет? – спросил Гришка, поднимая руки.

– Оружия нет ли? Ну-ка, покажи карманы... А сзади? А
за пазухой?

Обыскали. Снова спросили мандат. Узнав, что «с визи-
том», удивились и будто не совсем поняли.

– Ну иди, что ли. Там у товарища Лениной Троцкая сидит.
Наверху проведут, куда надо. Только ежели из фарфору, аль
из бронзы что сопрешь, все равно на выходе обыщем...

– Кель выражанс, – подумал Гришка, пожимая плечами и проходя по многочисленным пустым комнатам...

Глава II. Causerie¹ о голоде

– Простите, мадам, что я так нагрязнул без приглашения, – расшаркался Гришка Зерентуй, целуя дамам ручки. – Позвольте вручить для ради первого знакомства...

– Что это такое?

– Три триллиончика чистоганом для ваших бедных, мадам, от неизвестного!

– О, мерси... Ах, сейчас столько бедных, столько нужды, что прямо всякий грош дорог! Вы служите?

– О, нет. Я так просто, кой-чего.

Помолчали.

– До вашего прихода мы говорили о голоде. Этот голод прямо меня угнетает.

– Да что вы! Какое безобразие, – сочувственно прочмокал языком Гришка. – Голод, оно действительно. Неприятное занятие.

– Ах, и не говорите. Я все время думаю, что они там едят, чем питаются? В газетах пишут все о непонятных продуктах: какой-то конский щавель, лебеда, суп из травы, дубовая кора, корешки, желуди...

– А вы знаете, – защебетала madame Ленина. – Мне бы так хотелось всего этого попробовать... Но где тут достать в Москве? Я просила мужа – он говорит: глупости!

¹ Непринужденный разговор, беседа (*фр.*).

В оборотистой голове Гришки мелькнула мысль: вот путь для укрепления столь нужных светских связей.

– Месдамес! – умильно сказал Гришка, прижимая порывевший цилиндр к груди. – Разрешите, я вам это устрою?.. Желаете, могу вам предоставить настоящий голодный обед из тех самых веществ, которыми питаются мужики!..

– Серьезно?! – Оживились дамы. – Ах, это очень мило с вашей стороны. Мы так бы хотели иметь понятие... Но как это устроить?

– Месдамес! – даже застонал Гришка. – Осчастливьте! Не побрезгуйте светскими традициями – приезжайте ко мне обедать... Мой повар...

– Но, удобно ли... Ведь мы почти незнакомы...

– А знаешь что? – оживилась Троцкая. – Мы это могли бы сделать в виде пикника. Возьмем с собой Вовочку и Жоржика...

«Ейные хахаля, – подумал прозаический Гришка. – Р-ради бога, осчастливьте!...»

Глава III. Голодный обед

Шумно усаживались за большой, накрытый в саду Гришкиного особняка стол.

– Какое же меню? – спросила мадам Троцкая, кокетливо оправляя бриллиантовую брошку.

– А извольте видеть, и меню есть с золотым обрезом, не извольте беспокоиться.

– Ах, я так волнуюсь, – прошебетала Ленина. – Съесть настоящий голодный обед! Съесть то, чем питаются сейчас 25 миллионов людей и о чем пишет вся Европа! Ознакомьте же нас с меню.

– А вот-с!

«Голодный обед Григория Спиридоныча Зерентуя в честь бедных голодающих мужичков». Похлебка из лошадиного щавеля. Желуди. Дубовая кора, соус мадера. Корешки. Лебеда фрикассе. Десерт: конские каштаны.

– Пасюшьте, – спросил Вовочка. – А мы от этого не умрем?

– Будьте покойны. Даже цинги не будет.

– Господа, – кокетливо заиграла хорошенькими глазками Троцкая, – объясните мне ради Создателя, что такое – цинга?

– А это такое, когда зубы выпадают, – любезно объяснил Гришка.

– Ма фуа!² – воскликнул общий баловень Жоржик, секретарь Лениной. – Значит, у моего дяди тоже была цинга! У него каждый вечер выпадали зубы и опускались в стакан с водой.

– Противный, – засмеялась Ленина. – Не говорите гадостей перед обедом. А вот и похлебка... Неужели это лошадиный щавель?! А знаете, очень вкусно. А это что? Кажется, половинка яйца?

– Дикое яйцо, – объяснил Гришка. – В конском щавеле на каждом шагу попадаютсЯ!..

– Чрезвычайно вкусно! И наваристо. А это что отдельно подано? Неужели желуди? Совсем вкус пирожков с фаршем.

– Домашний желудь, – сказал Гришка. – Внутри у его такая мякоть. Только наше мужичье варить не умеет.

– И подумать, что раньше этой вкусной штукой свиней кормили, – удивился Жоржик.

– Жить не умели, – улыбнулся Гришка Зерентуй. – Ме-сдамес, можно еще желудей?.. А вот и дубовая кора!

– А как же ее есть? – удивилась Троцкая. – Она ведь твердая.

– Пустяшное дело. Верхнюю корку ножом снимите, а внутри мягкое, – любезно объяснил амфитрион.

– А ведь верно! Полная иллюзия молочной телятины! Неужели это дубовое?

– Все от повара зависит, сударыня, – самодовольно сказал

² Клянусь честью! (*фр.* Ma foi).

Гришка. – Хороший повар из калоши «Проводник» такой бифштекс тру-ля-ля ушкварит!

– А вот и корешки. Что это за порода?

– Земляные. Повар их аспержем называет. А соуску? Есть беленький, есть желтенький.

– Прямо чудесно! Если бы не знала, что корешки, прямо бы подумала – спаржа.

– Следующий номер! – в экстазе ревел Гришка. – Лебеда!

– Послушайте... – недоуменно поднял брови Вовочка. – Какая же это лебеда? Форменная птица.

– Лебеда – птица и есть, – спокойно сказал Гришка. – Самка лебеда.

– Pardon, но самка лебеда называется лебедка.

– Не говорите глупостей, – засмеялась Троцкая. – Лебедка это такое... на пароходе. Чем вещи поднимают.

– Так это вот и есть лебеда? Чего ж мужички плачутся?.. Оно превкусно! Однако я думала, что лебеда – трава.

– Никак нет. Нешто можно было бы простую траву жрать? Хотя вот на десерт подадут конские каштаны. Кажется, ерунда с маслом, дрянь, а ежели тертые, да со сливками – так за ушами трещать будет. Месдамес! А еще лебеды кусочек? Вот крылышко!

От стола встали отяжелевшие. Ковыряя головной шпилькой в зубах, madame Троцкая облегченно вздохнула и сказала:

– Теперь я знаю, как питается мой народ! И я за него со-

вершенно спокойна... Пока есть дубовая кора, лебеда, корешки и конский щавель – мой народ не погибнет...

Атташе Канторович

В Стамбуле на одной из кипящих разношерстным народом улочек я встретил его.

У него в руке был небольшой саквояжик. Он сказал:

– Господин, не нужно ли сигар, сигарет, русских папирос?..

– Не нужно.

– Гм... Не нужно. А я думал – нужно. Слушайте, кстати: вы не знаете, как по-французски – сигара?

– Да так и будет: ля сигар.

– Что вы говорите?.. Совсем как мерси. И по-русски мерси и по-французски – одно и то же. Я еще когда в Одессе жил – так очень удивлялся...

– Хороший город Одесса, – похвалил я.

– А что, скажите, мне ваше лицо знакомо. Вы, часом, не жили в Одессе?

– Часом не жил, а по неделям живал.

Он вдруг пристально стал в меня всматриваться.

– Гм... Острит. Бритый. В пенсне. Послушайте?! Чтоб я сдох, если вы не писатель...

– Писатель.

– Так это вы за нас написали рассказ «Золотые часы»... Помните, вывели Канторовича и Гендельмана, что один другому никак не может часов продать. Как вы тогда писали:

«Странный город – Одесса. У одного есть часы, у другого – деньги. И один хочет купить часы, а другой продать... Так они не могут этого сделать, потому что они одесситы». Ой, как вся Одесса тогда с нас смеялась. Ну ничего... Нам все-таки было приятно, что мы вошли в литературу.

– Вы давно из Одессы?

– Ай, и не говорите. Чуть не пешком приплыл. Слушайте, Аверченко... (он взял меня за пуговицу). Ну что будет?

– С кем?

– С этой дрянью паршивой, с большевиками. С ума можно сойти. Вы знаете, я жил в Одессе еще при Толмачеве... Так, знаете, как мне теперь кажется Толмачев? Родной папа! Дайте мне его, я закричу «ура». Что Толмачев? Дайте мне городского нашего Бульварного участка Таганчука! И я скажу ему: «Володя, дай я тебя поцелую в глазки». И я возьму его, приведу к себе и угощу его с графинчиком водки и жареной рыбой, и мы с ним оба будем сидеть посередке комнаты и, как дураки, плакать. Это навозное сметьё говорит теперь: «Мы даем вам свободу и мир, пожалуйста в ГПУ». Или: «Для счастья пролетариата становись, жидовская морда, к стенке». Чтоб мои враги имели такое пролетариатское счастье. Когда меня Таганчук брал в участок – это стоило три рубля, когда меня Дейч берет в ГПУ – мне это стоит, извините, пули в живот. Ах, Канторович, Канторович...

– При чем тут Канторович?

– Эй, значит, вы ничего не знаете? В прошлом году при-

ходит он ко мне и говорит: «Прости меня, Гендельман, но я поступил в идейные коммунисты». Я плюнул ему около сапога и говорю: «Ты, Канторович, идейный от слова идиет. Пошел вон!» – «Ты, – говорит он, – не ругайся, потому что эта наша революция планетарная. И я, Канторович, – тоже планетарный». «Планетарная холера тебе в кишки! Попугай несчастный. Один жулик пустил слово – тысяча дураков повторяет. Канторович, вы мне не друг! – говорю я, как Ленинский в «Онегине». – «Проваливайте, пока я вам по морде не надавал». И он ушел, как буквально побитая собака. Правда, когда потом у меня делали обыск, нашли полтора фунта сахара и забрали в чека за спекулятивное хранение товаров, этот дурак притёпался до Дейча просить за меня, и меня выпустили, но... я ему даже руки не подал, чтоб я так жил!

– Где же теперь Канторович?

– Монька Канторович? Разве вы не читали в газетах? Еще, помните, когда вы записывали наш разговор за золотые часы, так там у вас есть, как этот осел поднимет глаза вверх и скажет: «Ой, Гендельман. Мне не нравится поведение Германии в Алжезираском вопросе...» А я ему: «Моня! Вы удивительный человек: где две державы воюют – вы обязательно в серединку влезете. Бросьте!» «А я вам, Гендельман, говорю, что Германия еще меня вспомнит!» И что же вы думаете? Почти своего добился...

– То есть как?

– Неужели вы не читали в газете? Подержите чемодан-

чик, у меня есть в кармане. О! Вот... Это я одну старую газетку храню на память... «Состав советской миссии в Польше: советник посольства Леонид Оболенский, первый секретарь Лоренс, атташе Канторович»... Как вам это понравится: Монька Канторович – атташе посольства?!

– А почему бы и нет? – улыбнулся я.

– Канторович – атташе? Бросьте. Ну, представьте вы себе дипломатический прием во дворце... Швейцар докладывает: «Лорд Реджинальд Грей, граф Паулучио, виконт Сен-Жермен, Монька Канторович – прикажете принять?!» – «Дайте ему лучше по шее. Это его тоже хорошо устроит».

– Однако вы на него очень нападаете... А может быть, у него есть дипломатические таланты?

– Уйдите вы! Дипломатические? Он такой дипломат, что когда профессор оперировал у него аппендицит и по ошибке забыл в животе золотой портсигар, так потом сейчас же хватились, распороли, а там только залоговая квитанция «Одесского городского ломбарда на золотой портсигар с такими-то инициалами». Положим, для Чичерина как раз подходящий помощник: жулик на жулике и маравихером погоняет.

– Охота вам волноваться? – примирительно сказал я.

– Что значит охота? Почему Канторовичи должны делать гадости, а на Гендельманах должно отражаться? Вы думаете, мне простят «атташе Канторовича»? Гм... «Прикажете принять: маркиз делла Торрета, атташе Канторович, граф де Бюсси, Яша Цигельпирчик, герцогиня де Роган, Розочка

Шмеркович»... Я вас спрашиваю, почему мы теперь должны на глаза лезть всем – вместе с Роганами и де Бюсси. Я кто? Я Гендельман. Так я сижу в уголку и так сижу, что меня ни одна собака не услышит. А атташе? Хорошее название, которое носит один Канторович, а в печенках сидеть оно будет у всего еврейского народа.

Контроль над производством

Один из краеугольных камней грядущего рая на земле – Третьего Интернационала – это контроль над производством. Твердо знаю, во что эта штука выльется.

* * *

Писатель только что уселся за письменный стол, как ему доложили:

- Рабочие какие-то пришли.
- Пусть войдут. Что вам угодно, господа?
- Так что мы рабочий контроль над производством. Выборные.
- Контроль? Над каким производством?
- Над вашим.
- Какое же у меня производство? Я пишу рассказы, фельетоны... Это контролю не поддается.
- Все вы так говорите! Мы выборные от типографии и артилы газетчиков, и мы будем контролировать ваше производство.
- Виноват... Как же вы будете осуществлять контроль?
- Очень просто. Вот мы усаживаемся около вас, и... вы, собственно, что будете писать?

– Еще не знаю: темы нет.

– А вы придумайте.

– Хорошо, когда вы уйдете – придумаю.

– Нет, вы эти старые штуки оставьте! Придумывайте сейчас.

– Но не могу же я сосредоточиться, когда две посторонние физиономии...

– Простите, мы вовсе не посторонние физиономии, а рабочий контроль над вашим производством! Ну?..

– Что «ну»?

– Думайте скорей.

– Поймите же вы, что всякое творчество – такая интимная вещь...

– Вот этого интимного никак не должно быть! Все должно делаться открыто, на виду и под контролем.

Писатель задумался.

– О чем же это вы призадумались, позвольте узнать?

– Не мешайте! Тему выдумываю.

– Ну вот и хорошо. Только скорее думайте! Ну! Придумали?

– Да что вы меня в шею гоните?

– На то мы и контроль, чтобы время зря не пропадало. Ну живей, живей!..

– Поймите вы, что не могу я так сосредоточиться, когда вы каждую секунду с разговорами пристааете!

Рабочий контроль притих и принялся с любопытством

разглядывать лицо призадумавшегося писателя.

А писатель в это время тер голову, почесывал у себя за ухом, крикал и наконец вскочил в отчаянии:

– Да поймите же вы, что нельзя думать, когда четыре глаза уставились на тебя, как баран на новые ворота.

Рабочий контроль переглянулся.

– Замечаете, товарищ? Форменный саботаж! То ему не разговаривай, то не смотри на него, а то он еще, пожалуй, и дышать запретит! Небось, когда нас не было – писал! Тогда можно было, а теперь нельзя? Под контролем-то небось трудно! Когда все на виду, без обману – тогда и голова не работает?! Хорошо-с!.. Так мы и доложим, куда следует!

Рабочий контроль встал и, оскорбленный до глубины души, топоча ногами, вышел.

От автора:

В доброе старое время подобные произведения кончались так:

«...На этом месте писатель проснулся, весь облитый холодным потом».

Увы! Я кончить так не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.